

Ермолаева Александра Сергеевна

Икхелл

Александра Ермолаева

Икхелл

«Автор»

2025

Ермолаева А. С.

Икхелл / А. С. Ермолаева — «Автор», 2025

Небольшой рассказ о девушке, чья жизнь повлияла на судьбу всего народа.
Эльфы/фэнтези/любовный роман.

© Ермолаева А. С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Утро, 48784 года, уход Алкор (сиреневая луна – лето)	6
Утро, 48844 года, уход Алкор	7
День, 48947 года, приход Таеари (красная луна – середина весны, начало лета)	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александра Ермолаева

Икхелл

Тьма – интересная вещь, тот, кто пустит ее в свое сердце, не обладая соответствующей силой, будет обречен на медленное уничтожение изнутри, приводящее к безумию. Тьма и Свет есть в каждом, но что пересилит, зависит от самого смертного. Тем не менее, Тьма, в данном случае, в полном смысле этого слова, это возможность ступить на дорогу к Хаосу. Только пустив в себя Тьму, а не просто общаясь с ней, можно исчезнуть в Хаосе, а можно стать сильнее, подчинив его себе. Имеет ли смысл ради мести и крови заниматься подобным самоуничтожением? Вряд ли кто-либо столь умный и себялюбивый решился бы на такое. Но любому смертному свойственно совершать ошибки и любой смертный, особенно если он горд и своенравен, и подумать не может, что не хватит его великих сил на сражение с хаосом. Или это отчаяние толкает существ на подобные поступки? И только боги точно могут знать, кто достоин, кто способен подчинить себе силу. И только боги могут победить хаос в себе, тк Хаосом являются изначально и едины с ним... И только они знают, что те кто способен на это – не захочет соединяться с Хаосом и предпочтут Тьму и Свет. К Хаосу же стремятся те, кто в итоге им же уничтожены будут. Вопрос стоит не в этом. Вопрос – как скоро это произойдет?

Утро, 48784 года, уход Алкор (сиреневая луна – лето)

Дождь, льющий всю ночь, прошел только под утро. Восход лучиками солнца пробирался сквозь кроны. Даже в самой высокой башне замка было слышно пение птиц, животных и шелест деревьев. Лес приветствовал родившегося на свет ребенка королевской семьи. Можно сказать, что этого ребенка Отец принял уже заранее до посвящения в род, что случалось крайне редко. Только трое были не рады этому событию – семья младенца.

Женщина беззвучно лежала на кровати, пустым взглядом смотря вперед. Почему? Вокруг нее чинно ходили служанки и няньки, приводя комнату в порядок и закутывая новорожденного малыша в пеленки. В дверях стоял мужчина так же, как и жена, в немом отчаянии, смотря в одну точку. Мальчик рядом с женщиной поджав губы, злобно пялился на пеленки. Почему? Служанка, закутав дите, протянула его матери. На белых кружевах вокруг его головы ярким пятном выделялись черные волосы. Сидящий в кресле управляющий занес перо над длинным свитком:

– Ваше Величество, скажите, пожалуйста, имя...

Женщина перевела шокированный взгляд на протянутые ей пеленки. По ее щекам катились слезы.

– Почему... – прошептала она, слезы побежали сильнее, – ПОЧЕМУ ЭТО ДЕВОЧКА!!!???

Все перевели взгляды на женщину. Служанки перестали суетиться, опустив головы, управляющий сочувственно вздохнул. Она оттолкнула от себя няньку вместе со свертком.

– Почему?!! Уберите, уберите ее, я не хочу ее видеть... – орала она сквозь слезы, – Ненавижу, ненавижу!!! Ненавижу...

Управляющий вздохнул. Имя следовало записать в список семейного древа за определенное время, и говорить имя должна была именно мать. У женщины же всю шла истерика.

– Имя, Ваше Величество...

Муж подойдя, обнял жену за плечи:

– Сумтае, имя...

– Мне все равно.. мне все равно... Назовите ее Икхелл...

Муж пытался успокоить жену. Все с сочувствием смотрели, как управляющий заносит перо над бумагой. И только стоящий в проеме дверей мальчик не интересовался свитком и окружающими – он с презрением и ненавистью смотрел на новорожденную...

Утро, 48844 года, уход Алкор

Всю ночь опять шел дождь. Икхелл лежала на боку, смотря как капли скользят по стеклу, и не могла уснуть. Она боялась закрыть глаза, как всякий ребенок, веря в страшных чудищ, которые прячутся под кроватью, в шкафу и за креслом. Хотя эльфийское зрение и подсказывало ей, что никаких чудищ нет. Она все равно плохо засыпала и спала нервно и дергано, пряча маленький кинжальчик под подушкой, на случай если чудища все же появятся.

Ей никогда не читали сказок на ночь, и мама не сидела рядом, успокаивающе глядя ее по голове пока та не заснет, обещая защитить от всего на свете. Потому что мамы не было. Но она точно знала, что любящие мамы так делают. Ведь Джарил читала сказки Виафиру каждый вечер перед сном. Но Икхелл не обижалась, ведь это его мама, а не ее, хотя немножко и завидовала. Но больше всего сейчас Икхелл пугали не чудовища, а наступающий день. Ей не хотелось вставать, одеваться в красивую праздничную одежду, которая на ней смотрелась нелепо. Выслушивать поздравления, получать подарки, которые у нее потом все равно заберут за какую-нибудь провинность, видаться с родственниками, которым до нее нет никакого дела. Единственное, что ее радовало это то, что возможно сегодня на праздник придет папа. И самой несбыточной мечтой было увидеться с мамой. Но она знала, что это невозможно. Мама не придет, потому что ей нельзя. И только когда наступит ее совершеннолетие, Икхелл наконец-то сможет с ней свидеться. Если мама не может прийти к ней, Икхелл сделает это сама. Надо только дождаться совершеннолетия.

Икхелл перевела взгляд на часы, висящие напротив кровати. Часы были странные, с множеством стрелок, идущих в разные стороны, и обозначений с надписями. Но эльфы прекрасно разбирались в них. Комната была обставлена скромно, хотя и не бедно, но по сравнению с покоями наследника была меньше чуть ли не в три раза. За окном начало светлеть, в дверь постучались. Вошли служанки, несущие воду и платья. Икхелл бросила печальный взгляд на часы и вышла из кровати. Самый нелюбимый из ее дней в десятилетье начался.

Напряжение за завтраком было в порядке вещей. Все тихо, почти бесшумно, ели, уже поздравив именинницу. Та боялась и слово лишнее сказать, так как ее по случаю праздника посадили во главе стола. Ферами, поджав губы, с особой жестокостью разрезал закуску на блюде, хотя резать там было уже нечего. Подобное положение вещей его порядком бесило. Он предпочел бы вообще не появляться сегодня в обществе, но с его стороны это выглядело бы крайне невежливо – не поздравить свою сестренку с таким праздником. Этикет... Он всегда был его сторонником, хотя не очень признавал многие эльфийские правила. Одним из них было то, что трон должен занимать именно черноволосый ребенок. Откуда, скажите, появился этот бред? Хотя эльфийские законы из пальца не вытягивались и имели под собой основу. Вторым, что трон может занимать только черноволосый мальчик. Это бесило его еще сильнее. И третьим, что если у королевы не родиться этого самого ребенка, ее ссылают в монастырь (который находится чуть ли не в тьме тараканьей), и она больше не сможет увидеться, как с мужем, так и с детьми. И только дети, достигнув совершеннолетия, могут ее навестить от силы 2 раза. Такое происходило не так часто, можно сказать крайне редко. Обычно воспитанницы Монастыря, расположенного недалеко от Замка Силы, почти сразу рожали наследника. Во всяком случае, у них было целых три попытки. И почти всегда эти попытки увенчивались успехом. Но в этот раз кронпринц выбрал себе в жены обычную, ничем не примечательную эльфийку, вопреки не очень строгому тогда закону, влюбившись в нее по уши (в прямом и переносном смысле этого слова). И хотя их обоих предупреждали, что если королеве не повезет, ничего изменить будет нельзя.

В тот роковой день, когда Ферами лишился матери, Сумтае родила Икхелл. Когда ей во время родов только начали говорить о том, что у ребенка темные волосы, она была на вершине счастья. Но родилась девочка... Это означало крах всей ее жизни, расставание с любимыми и дорогими ей эльфами – мужем и сыном, ссылку и возможность не увидеть их больше никогда. Возможно, она вовсе и не ненавидела Икхелл, но на грани истерики, в определенном смысле, прокляла дочь, данным ей именем. Икхелл – «сильная боль, печаль». Хотя она впоследствии и сожалела об этом, ничего уже изменить было нельзя. И даже если мать Икхелл не испытывала к ней на самом деле таких чувств, их в достатке и более испытывал Ферами. Его раздражал цвет ее волос, черный как смоль. Он винил Икхелл во всех грехах смертных и возможно третировал бы всю жизнь, но появились те, кто, по его мнению, были более достойны его ненависти. Самым раздражающим из всех законов было то, что отцу надо было жениться еще раз...

Раздался звон металла об камень. Икхелл уронила вилку.

– Что ты вытворяешь? – прошипела Джарил, поджав губы, смерив падчерицу уничтожающим взглядом, малышка от ужаса сжалась на стуле, – Даже за столом вести себя не умеешь! Тебя вообще мать воспитывала? Ах да, прости, забыла, что у тебя ее нет.

Джарил терпеть не могла детей Сумтае. Из-за них король не мог забыть бывшую жену. Из-за них исполнив свой долг рождения наследника, он больше не навещал ее. Он относился к этим вырождакам так же как к законному наследнику, которого родила Она. Притом с первой попытки. Она надеялась, что после этого он полюбит ее больше, но ничего не менялось. Он по-прежнему избегал ее и общения с ней, или держался безразлично. В его кабинете по-прежнему висел портрет этой проклятой Сумтае – дуры без роду и состояния, которая даже после ухода со сцены продолжала мешать ей завоевать его расположение и любовь.

И неизвестно кого Джарил ненавидела больше. Ферами был самым дерзким и непослушным и, несмотря на свой возраст (всего 127), умным и хитрым ребенком. Он мог наговорить столько гадостей и дерзостей, не нарушая при этом правил, что Джарил ничего не могла ответить. На него не действовали никакие наказания, он вел от этого себя еще хуже. И еще он был невероятно способным, когда ее маленький наследник уступал в своих способностях даже сестренке. Но Икхелл хоть и была серой послушной мышкой, была прямым напоминанием того, что 2я попытка Сумтае могла завершиться удачно. Черный цвет волос, такой же как и у ее любимого сына приводил Джарил в бешенство. И еще больше всего Джарил бесило, что Икхелл и Виафир были пугающе похожи. Оба были в отца. Отличительной чертой было то, что у Икхелл волосы не вились. Но это не меняло отношение мачехи к падчерице. Не имея возможности достойно насолить Ферами, она всю отыгрывалась на его маленькой сестре. Во всяком случае, пыталась...

Икхелл вздрогнула:

– Мама... есть... – прошептала она.

– Творец, да что ты там бормочешь! Виафир, хоть и младше тебя, намного послу....

Раздался еще один звон. На этот раз Виафир уронил вилку. Мачеха запнулась.

– Мамочка, прости... – ребенок, несчастно захлопал глазками, из которых уже готовы были политься слезы. Икхелл удивленно посмотрела на братика, на 17 лет младше ее.

– Все в порядке, мой милый, – улыбнулась Джарил, после обратилась к слугам, – Почему вы стоите на месте? Немедленно принесите новые приборы!

Ферами усмехнулся. Мачеха поймала его взгляд и... началось. Сцепившись, эти двое расцепились бы только под угрозой падения мира в Тартары, да и то вряд ли. Они не заметили, что Виафир улыбнулся и подмигнул Икхелл. Это было то, что раздражало Джарил хуже, чем ссора со старшим сыном Сумтае и не давало мачехе вдоволь поиздеваться над падчерицей – Виафир просто обожал свою старшую сестренку...

День, 48947 года, приход Таеари (красная луна – середина весны, начало лета)

– ... таким образом, закон invessul представляет собой... – издалека доносился монотонный голос.

– Икхелл, Икхелл!!! Не спи... – шепот за спиной.

– А, что? Прости, Руил, я задумалась.

– Ха, ха. Я заметила. Уделяй больше времени госпоже Вилбрар – сегодня важная тема.

Икхелл улыбнулась и кивнула. Она и правда слишком задумалась. Ведь сейчас весна. Посмотрев в окно, рядом с которым она сидела, Икхелл еще раз улыбнулась. Все цвело, распускалось. Священный Лес в это время года выглядел неопишимо сказочно. Наслаждаясь яркостью красок цветов и шелестом деревьев, слышимым через открытое окно, она неосознанно вертела в руках мешочек, весящий на шее, и не заметила, как задумалась. Так бывало всегда, когда она брала его в руки. Ее самое драгоценное сокровище. Тогда, в тот ее день рождения после завтрака в семейном кругу был бал со множеством гостей и много других увеселительных мероприятий, но папа на ее 60м дне рождение так и не появился. Причиной было известие о смерти Сумтае. Тогда она была шокирована и очень расстроилась и что б ни расплакаться на глазах у эльфийской знати убежала в лес к его Сердцу – Отцу Леса. И тогда произошло чудо, само сердце леса подарило ей свою маленькую веточку. И это если учесть, что до этого она ни разу не слышала о подобных случаях. Спустя много лет веточка завяла, сломалась, но, то, что осталось от нее хранилось в мешочке, который Икхелл для сохранности повесила себе на шею. Икхелл не знала, почему ветвь дана была ей, но свято верила, что это самое ценное сокровище принесет ей удачу и счастье. Но, даже если это было не так, оно всегда приносило хорошее настроение.

Она практически не следила за ходом занятия. Сидя в кресле и облокотившись на круглый столик, на котором лежали записи, Икхелл летала в облаках. С ней это случалось редко, так как ей надо было хорошо учиться, что б получить одобрение отца и помогать бездельнику Виафиру. Он обучался в отличие от нее индивидуально и всеми его занятиями руководил его наставник, тем не менее, это не мешало ему все время просить Икхелл помочь или заменить его на уроках, пользуясь их внешней схожестью. Она завивала волосы, переодевалась, душилась и шла на занятия, получая высшие балы и прославляя наследного принца. Не смотря на их внешнее сходство эльфы, обладающие острым нюхом, отличали этих двоих по запаху, поэтому условие душиться было обязательным. Сама Икхелл училась в Монастыре, как и все благородные девицы. Занятия включали в себя не только лекционный материал, умения врачевать и знать языки, историю, и даже магию, хоть пользоваться они ею и не могли, но и искусство боя, которым должна была уметь владеть каждая эльфийка. Это был конек Икхелл. В группе, нет, во всем Монастыре она была лучшей. Тем не менее, в остальных предметах ей приходилось сильно стараться, что бы быть на вершине и не опозорить королевскую семью.

Но сегодняшний день был исключением. Весна предвещала собой праздники. Один из этих праздников – праздник Тае – любви, был тем праздником, когда эльфам и эльфийкам можно было устраивать гулянья на природе, знакомиться, влюбляться. Разрешались даже небольшие вольности – например танец, где партнеры держаться за руки. Икхелл опять мечтательно улыбнулась и опустила голову, что бы этого не заметила госпожа Вилбрар (которая на ее счастье не замечала вообще ничего, полностью погружившись, в то, что рассказывала).

Эльфийки откровенно зевали и тоже поглядывали на улицу и иногда с сочувствием на Икхелл. Им приходили в голову те же мысли, что и ей. Темная прядь, выбившись из прически, опустилась на руку, вернув девушку в реальность. Улыбка исчезла, как ни бывало. Она обвела

взглядом воспитанниц Монастыря ее группы сидящих в таких же креслах как она, и перед такими же круглыми столиками. Все они были женственными и изящными. Все красавицы – как на подбор. И все со светлыми волосами. Они не воспринимали ее как соперницу, это было понятно сразу, и были правы, конечно. Ее уважали за способности, трудолюбие и терпение, а так же как члена королевской семьи. Но подругой Икхелл могла назвать только искреннюю Руил. Все остальные видели в ней ступеньку к наследнику, к трону. Ведь если она кого-то ему порекомендует, у той появиться шанс и преимущество перед всеми остальными. Поэтому обычно перед ней чуть ли не ковриком стелились. В то же время ее жалели, не без причины конечно, но это сильно ее раздражало. Она не была наследной принцессой, потому что таковой она могла стать только в том случае, если бы отец умер до того как женился второй раз и родился наследник. Но цвет ее волос сыграл с судьбой Икхелл злую шутку. Возможно мать, называла ее так, понимая, какая судьба ждет ее ребенка. Не будучи наследной, она не имела права выходить замуж и рожать детей, следовательно, была обречена на вечное одиночество. Понятно почему – что б божественная кровь не передавалась кому-либо кроме линии наследников. Так было всегда.

Поэтому весна не должна была никак отразиться на ней. Никто не станет влюбляться в эльфийку, зная, что это ни к чему не приведет. Все эльфы без исключения зациклены на продолжении рода и достойной преемственности их генов. И даже если так. Икхелл пыталась реалистичнее смотреть на вещи и понимала с каждым разом все яснее – что б в нее кто-то влюбился – нужно или чудо или этот эльф должен обладать полным отсутствием вкуса...

Быстрые почти незаметные движения, удары, повороты, прыжки. Все это длились 50 секунд. По истечении назначенного времени оба соперника оказались на тех местах, где стояли ранее, тяжело дыша. Ферами, поджав губы, злобно посмотрел на сестру. Та улыбнулась:

– Я все-таки выиграла.

Они находились на стадионе для тренировок во дворце. Кроме них двоих больше никого не было. Ферами приходил сюда потренироваться, если что-то в его планах шло не так. Это был хороший способ снять злость и напряжение, а так же самоутвердиться – отмутузить кого-нибудь, тем самым почувствовав свое превосходство. И сейчас тоже появились небольшие проблемы, в связи с чем его настроение оставляло желать лучшего – какой-то придурок непонятно зачем залез на место их экспериментов и естественно не выжил. Только не хватало, что б кто-нибудь о чем-то догадался. Хотя... никто не сможет из-за этого небольшого недоразумения додуматься до его гениальных идей. Для этого они все слишком тупы.

Но сегодня видно весь день шел наперекосяк. И угораздило же ему нарваться на Икхелл. Она опять его побила, да еще и пожалела, не стала избивать, ограничившись выигрышем. Он просто не мог выносить, когда кто-то его в чем-то превосходил. А мелкая сестрица хоть и неосознанно, но постоянно опускала его с небес на землю, заставляя чувствовать себя униженным. За все прошедшее время его отношение к ней нисколько не изменилось, а то и ухудшилось после смерти матери. На свете не существовало больше того, к кому Ферами испытывал хоть какие-то светлые чувства и чем бы дорожил, кроме своей шкуры. В его семье все ему были ненавистны. Отец, потому что не смог защитить и спасти мать. Джарил, потому что встала на ее место, мачеха. Виафир, потому что занял его трон, наследник. И Икхелл, потому что она была во всем этом виновата, потому что она родилась на свет. И спокойно дожила до своих 163 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.